CC
115

По Отделению
Графу Сергѣю Дмитріевичу
Шереметеву

РѢЧЬ

съ глубокимъ
уваженіемъ
отъ автор

ОБЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ ЗНАЧЕНІИ

УЧЕНЫХЪ ТРУДОВЪ

Графа **Алексѣя Сергѣевича Уварова.**

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
—
1885.

Изъ книгъ Пафа С.Д. Шереметева I

N 19482 ШК. LXI П. 1/50.

РѢЧЬ

ОБЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ ЗНАЧЕНІИ

УЧЕНЫХЪ ТРУДОВЪ

Графа **Алексѣя Сергѣевича Уварова.**

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885.

11к

Пров 38

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1885 г. кн. 4-я.

4155
37

Рѣчь объ общественномъ значеніи ученыхъ трудовъ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова,

прочитанная Предсѣдателемъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, И. Е. Забѣлинымъ, въ соединенномъ засѣданіи Ученыхъ Обществъ 28 февраля 1885 года, назначенномъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ для чествованія памяти своего покойнаго Предсѣдателя.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, здѣсь присутствующее въ лицѣ своихъ членовъ-представителей, съ глубокимъ вниманіемъ чтитъ память графа А. С., какъ своего Почетнаго Члена,—какъ передоваго, руководящаго, сильнаго дѣятеля на томъ же поприщѣ изслѣдованія и объясненія Рус. Древностей и Исторіи, — какъ неутомимаго ревнителя въ распространеніи и утвержденіи этихъ знаній не въ одной ученой, но въ обширной общественной средѣ.

Въ ученой дѣятельности графа А. С., столько богатой, разнородной и многосторонней, особенно ясно выступаетъ одна руководящая забота, одна его завѣтная и задушевная мысль.

Эта завѣтная мысль, которой онъ отдавался всѣмъ сердцемъ и служилъ ей неутомимо до послѣднихъ дней, стремилась къ той высокой цѣли, чтобы достояніе археологической науки, археологическое знаніе, сдѣлать достояніемъ всего общества, вселить, водворить въ сознаніи самого общества ясную мысль о предметахъ этого знанія и тѣмъ *пробудить* уваженіе и любовь къ родной старинѣ и древности, уваженіе и почтеніе къ памятникамъ этой древности, какъ непосредственнымъ свидѣтелямъ народной исторіи и народнаго быта, — *пробудить чувство народности*, національное чувство—эту животворящую силу народнаго развитія во всѣ времена.

Вотъ въ чемъ заключалась основная руководящая забота, основная завѣтная мысль всей ученой дѣятельности графа А. С.

Воплощеніе этой мысли въ дѣло съ особенною опредѣленностію выразилось въ учрежденіи въ Москвѣ Археологическаго Общества, которому, во вступительной рѣчи, графъ начерталъ и основной путь дѣятельности.

Онъ указывалъ главнѣйшую задачу для трудовъ новорожденнаго Общества въ разработкѣ, описательной и изслѣдовательной, памятниковъ вещественныхъ.

Объясняя настоятельную необходимость такой разработки, графъ не могъ пройти молчаніемъ важнѣйшаго препятствія, какое впереди всего встрѣчается на этомъ пути каждому дѣятелю.

«Русская Археологія, говорилъ онъ, дѣйствительно не сложилась еще въ стройную, правильную науку, не имѣетъ строгой научной формы,—но должно сознаться, что это происходитъ не отъ недостатка матеріаловъ, какъ нѣкоторые полагаютъ, а отъ совершенно другой причины: *отъ какого-то вѣковаго равнодушія къ отечественнымъ древностямъ*. Не только мы, но и наши предки не умѣли цѣнить важности родныхъ памятниковъ и безъ всякаго сознанія, съ полнымъ равнодушіемъ, безобразно исправляя старинныя зданія, или возстановляя ихъ съизнова, они не понимали, что каждый разъ вырывали страницу изъ народной лѣтописи. Такое равнодушіе и доселѣ часто проявляется въ русской жизни и вредитъ, къ несчастію, не одной археологіи».

Указанное графомъ направленіе общественной мысли имѣетъ очень важное значеніе и именно для археологической науки. Оно парализуетъ добрыя начинанія, добрыя стремленія этой науки. Время отъ времени оно даетъ себя чувствовать каждому дѣятелю на этомъ пути и въ иныхъ случаяхъ отравляетъ горькою отравою всѣ заботы, всякое усердіе въ достиженіи цѣлей этой науки.

Но откуда идетъ это вѣковое равнодушіе?

Говоря о немъ, графъ А. С. вовсе не думалъ обозначить этимъ словомъ *вѣковѣчное*, то-есть какъ бы прирожденное Русскому обществу отъ самой древности. Напротивъ, какъ всесторонній знатокъ нашей древности, онъ хорошо и въ подробности зналъ, что эта Древность нисколько не была равнодушна ни къ своей Исторіи, ни къ памятникамъ своей старины.

Великій и замѣчательнѣйшій памятникъ особой любви и почтенія къ своей Исторіи наша Древность оставила намъ въ составленной ею Лѣтописи, въ этой *Повѣсти временныхъ лѣтъ*, которая продолжалась, пополнялась *новыми лѣтами*, въ продолженіи цѣлыхъ шести столѣтій.

Началась эта повѣсть отъ половины XI вѣка. И тогда уже, съ первыхъ же временъ нашей Исторіи, она сразу обозначила насъ народомъ столько же культурнымъ, какъ были и другіе Европейцы, ибо сохраненіе памяти о прошломъ, любовь къ собственной Исторіи есть первый признакъ культурности народа.

Еслибъ, не имѣя ничего другаго, мы имѣли одну нашу лѣтопись, какъ доказательство нашей способности къ европейскому развитію, то и этого было бы достаточно. Въ этомъ памятникѣ выражено все, чѣмъ намъ слѣдовало быть, неминуемо, на перекоръ всѣмъ историческимъ напастямъ и невзгодамъ.

А памятники старины сберегались и сохранялись нашею Древностію съ такою любовью, съ такимъ благоговѣніемъ и можно сказать благочестіемъ, о которомъ намъ теперешнимъ людямъ очень трудно составить надлежащее понятіе. Наша Древность на томъ и стояла, чтобы сохранять самое себя.

Правда, что здѣсь не было сознательно-научнаго вниманія и уваженія къ памятникамъ; но здѣсь выражалась горячая сыновняя любовь къ памяти предковъ, къ ихъ дѣламъ и подвигамъ, и слѣд. къ своей Исторіи, которая потому усердно и описывалась въ лѣтописяхъ.

Извѣстно, что у князя Андрея Боголюбскаго въ спальнѣ, быть можетъ надъ его постелью, хранился мечь святаго Русскаго первомученика, князя Бориса.

Съ тѣмъ мечемъ, какъ нельзя сомнѣваться, Боголюбскій со славою ратоборствовалъ въ войнахъ, и въ послѣдній часъ своей жизни, желая защититься отъ своихъ убійцъ, искалъ того же меча; но злодѣи уже унесли его наканунѣ.

Болѣе полутораста лѣтъ этотъ священный мечь хранился въ потомствѣ князей, а съ нимъ несомнѣнно хранились и сказанія о дѣлахъ и событіяхъ, гдѣ этотъ мечь былъ добрымъ участникомъ.

Припомнимъ, что знаменитый бѣглецъ отъ Грознаго Царя, эмигрантъ князь Курбскій, въ 1550 г., подъ Казанью, первѣе всѣхъ врѣзался во весь полкъ бусурманскій и весь израненный въ битвѣ остался живъ, потому что, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ,—на немъ была броня *праотеческая*, которая защитила и спасла его отъ неминуемыхъ смертельныхъ ранъ. *Праотеческая* броня, подобно мечу св. князя Бориса, несомнѣнно существовала въ родѣ князей Курбскихъ цѣлыя столѣтія.

Извѣстно, что Московскій в. к. Иванъ Даниловичъ потому былъ прозванъ *Калитою*, что былъ очень милостивъ, нищелюбивъ и всегда носилъ при поясѣ *Калиту* (сумку), полную серебряницъ, съ которою ходя, раздавалъ нищимъ на право и на лѣво, сколько вынется. И вотъ, спустя слишкомъ триста лѣтъ, въ XVII ст., въ царской казнѣ, въ числѣ драгоцѣнныхъ предметовъ, находимъ въ сохранности не только эту *суму* в. к. Ивана Даниловича, по образцу которой царь Михаилъ для той же цѣли сшивалъ и себѣ такія же сумы, но сверхъ того находимъ и *старинную калиту* в. к. Даніила, отца Ивана Даниловича, которая сохранялась въ числѣ предметовъ Государева Большаго Наряда, т. е. наровнѣ съ царскими регаліями.

Отъ множества историческихъ любопытнѣйшихъ памятниковъ, хранившихся въ ящикахъ и сундукахъ царя Ивана Вас. Грознаго, осталась намъ одна ихъ перечневая опись и въ ней между прочимъ упоминаются старые грамоты отъ Батыя и отъ иныхъ Татарскихъ царей, съ отмѣткою, *а переводу имъ нѣтъ, никто перевести не умѣетъ.*

Все это хорошо показываетъ въ какой степени Русская Древность дорожила всякими памятниками Временныхъ Лѣтъ.

Извѣстно также, что въ допетровское время постройка новаго храма на мѣстѣ сгорѣвшаго или отъ древности обветшалаго, всегда сопровождалась настойчивыми требованіями всѣхъ пособниковъ, чтобы онъ былъ выстроенъ и украшенъ по старозавѣтному образцу, какой существовалъ; или же по такому же старозавѣтному образцу существующихъ другихъ древнихъ храмовъ.

Конечно въ этой сердечной приверженности къ своей старинѣ и древности, въ этой благочестивой любви и почтеніи къ ней скрывался источникъ и нашей допетровской неподвижности относительно нашего образовательнаго развитія, источникъ такъ называемаго *Московскаго самомнѣнія* и самохвальной патріотической увѣренности, что лучше Русскаго и народа нѣтъ на свѣтѣ. Но вѣдь именно такимъ самомнѣніемъ и самохвальною увѣренностію въ своемъ превосходствѣ предъ другими отличаются всѣ народности, начиная отъ Китая и оканчивая Франціею и Англіею, не говоря о Германіи.

Каждая народность, сложившая, выработавшая себѣ извѣстную культуру, высокообразованную или низкообразованную, каждая народность, умно ли, не умно ли, но похваляется именно этою своею культурою, какъ нажитымъ богатствомъ. И допетровская Русь имѣла подобное богатство, а потому и высилась передъ другими, покрайней мѣрѣ въ собственныхъ глазахъ.

Но насталъ часъ, когда по ходу Исторіи, неуклонно слѣдовало воспользоваться богатствомъ европейской культуры. Иначе приходилось оставаться на вѣки нищимъ и предстояла даже возможность потерять вмѣстѣ съ землею самое имя—святое имя Руси. Могла эта равнина отъ нашей неумѣлости и слабости огласиться именемъ Польши, Швеціи, Турціи, совсѣмъ чужими именами. Необходимо было упредить соперниковъ и сопротивниковъ и стремительно, какъ прядалъ древній Святославъ, перескочить *барсомъ* прямо въ Европейскую школу, для всякой науки и для всякаго *нàука.*

Такъ и случилось при помощи новаго Святослава, изумительно быстраго и неутомимаго самодержавнаго плотника Петра.

Съ этой стороны существуетъ другое направленіе общественной мысли, безъ всякой пощады обвиняющее Петра, такъ сказать, въ изуродованіи нашего національнаго бытія и существа.

Можно много и долго толковать о томъ, что преобразованія нашего быта и всего строя нашей жизни, совершенныя Петромъ, могли имѣть иное направленіе, по теперешнему взгляду, болѣе разумное, болѣе спокойное, болѣе снисходительное къ старозавѣтнымъ формамъ и преданіямъ Русскаго бытія. Но такіе толки, какъ бы ни были разсудительны, не достигаютъ правды. Они разбираютъ дѣло односторонне, чтобы не сказать—легкомысленно. Они не примѣчаютъ самаго главнаго, именно всѣхъ *обстоятельствъ*, возбудившихъ Петровскія преобразованія, вовсе не принимаютъ въ

счетъ тогдашняго положенія вещей, всѣхъ условій той дѣйствительности и тѣхъ злобъ дня, которыя со всѣхъ сторонъ напирали на могучаго реформатора. Иное дѣло—дѣлать какое бы то ни было дѣло и конечно, ошибаться въ работѣ, чего никакъ миновать нельзя. Иное дѣло—сидѣть у дѣла сложа руки и здраво разсуждать о томъ, какъ люди глупо ошибаются и какъ могло бы быть все исполнено гораздо правильнѣе и лучше.

Тотъ Гордіевъ узелъ, который достославно былъ разрубленъ Петромъ Великимъ, весь заключался въ одномъ жгучемъ и роковомъ вопросѣ:—*быть или не быть намъ Европейцами?* Оставаться намъ старою *Москвою* и, ничему не учась, выйти на предстоявшее историческое поприще съ ея старыми началами и свойствами государственнаго быта; или пойти въ школу, выучиться всякому умѣнью и всякимъ наукамъ, помолодѣть отъ науки и явиться предъ лицемъ Европейскихъ государствъ *новою Русскою* силою, цѣльною и могущественною силою всей Восточно-Европейской равнины, чтобы восполнить эту вторую половину Европы тѣми же цивилизующими началами развитія, какими издавна отличалась первая половина. При этомъ медлить уже было невозможно. Не десятки лѣтъ, а каждая минута была дорога для того, чтобы не отстать отъ стремительнаго движенія Исторіи.

Мы въ то время подошли къ тому сказочному распутію, гдѣ очень явственно и очень понятно было написано: *пойдешь на право—коня потеряешь; пойдешь на лѣво—самъ пропадешь.*

Петръ-преобразователь беззавѣтно бросился по своему *правому* пути догонять эту Европейскую Исторію и культуру и конечно не могъ такъ спокойно обсуждать со всѣхъ сторонъ свой подвигъ, какъ это можемъ мы, теперешніе люди, зашедшіе уже дальше и выше его, могущіе, не бѣгая и не суетясь, спокойно, даже изъ теплыхъ кабинетовъ, осматривать пройденный, пожалуй кривой, путь, по великимъ рытвинамъ, оврагамъ и косогорамъ, однако приведшій насъ къ желаннымъ цѣлямъ.

Однимъ изъ самыхъ кривыхъ направленій на этомъ пути является и наше дѣтское черезъ-край увлеченіе всѣмъ иноземнымъ Европейскимъ, дѣтское благоговѣніе передъ созданнымъ самими нами же идеальнымъ образомъ Европейца, который въ дѣйствительности и не существуетъ.

Вотъ гдѣ (на этой кривизнѣ) мы должны были потерять своего *коня.* Этотъ конь, по древнимъ понятіямъ, символически обозначаетъ *честь, достоинство* человѣка, и стало быть въ историческомъ смыслѣ можетъ обозначать *самостоятельность, самобытность* народнаго сознанія.

Петровскій вѣкъ, весь XVIII вѣкъ, только о томъ и хлопоталъ, какъ бы сильнѣе усвоить себѣ Европеизмъ, какъ бы лучше походить на Европу, и въ мысляхъ, и въ чувствахъ, и въ манерахъ поведенія, не говоря о вещественной обстановкѣ и костюмѣ.

Ясное дѣло, что, всѣми мѣрами и всѣми силами догоняя Европейскую Исторію и культуру, едва переводя дыханіе, мы по естественнымъ причинамъ забывали о себѣ, о собственной національной культурѣ.

Вотъ гдѣ корни нашего *вѣковаго* равнодушія къ собственной древности и ея памятникамъ,

При этомъ надо замѣтить, что національная наша культура, которую мы должны были оставить позади себя, вся отъ верха до низа составляла въ собственномъ смыслѣ культуру крестьянскую, деревенскую, со всѣми достоинствами деревенскаго простосердечія и со всѣми недостатками деревенскаго невѣжества. Поселившись въ Европейской культурной школѣ, устроенной совсѣмъ не по деревенски, если не по барски, мы главнымъ образомъ прельстились стороною ея барской свѣтской внѣшности и въ скоромъ времени не только совсѣмъ позабыли о своей старинѣ, но и стали презирать ее, какъ ветхое деревенское рубище, теперь уже негодное, въ которомъ уже стыдно было показываться въ люди, въ новое образованное общество, по той особенно причинѣ, что въ сущности это рубище было наше невѣжество, наше варварство, наша одичалость. Такъ, покрайней мѣрѣ, объ этомъ говорили намъ наши новые учители, наши просвѣтители, всѣ Европейцы.

Какъ послушные, покорные и прилежные ученики, мы вѣрили имъ на слово и вполнѣ усвоили себѣ тотъ особый взглядъ на самихъ себя, тотъ европейскій взглядъ на нашу родную страну, на нашу народность, который уже давно, еще съ XVI вѣка, господствовалъ во всей Европѣ, пополняемый и распространяемый чутъ не каждый годъ все новыми записками любознательныхъ путешественниковъ, изображавшихъ далекую и дикую, одичалую *Московію* въ такихъ же чертахъ и краскахъ, какія употребляются извѣстными романистами—реалистами, рисующими современный чудовищный упадокъ нравовъ. Ни объ одномъ изъ европейскихъ народовъ нѣтъ такой богатой литературы путешествій, какъ о нашемъ Русскомъ. И вся она одно только и рисуетъ, что̀ нашу одичалость.

Усвоивъ себѣ этотъ чужой и чуждый взглядъ на самихъ себя, въ виду просвѣтительнаго лица Европы, мы стыдились даже упоминать, что у насъ была такая негодная варварская древность. Мы исполнились не однимъ равнодушіемъ, но и предубѣжденіемъ къ этой древности, въ которой, по нашему разумѣнію, кромѣ всяческой деревенщины и всякаго Азіатства ничего особеннаго и не примѣчалось. Въ этомъ иные убѣждены до сихъ поръ.

И такимъ образомъ, Русское бытіе съ его Исторіею и древностями, въ сознаніи нашего общества, въ виду европейскихъ историческихъ и археологическихъ вопросовъ и запросовъ, представилось по малой мѣрѣ пустымъ мѣстомъ. Ничего здѣсь нѣтъ достойнаго для вниманія и изученія, а главное ничего здѣсь нѣтъ соб-

ственно Русскаго, ничего такого, что могло бы обозначить Русскую народность, какъ самобытную творящую силу. Все здѣсь, или Финское, или Татарское, или Норманское, Германское и т. д., только отнюдь не Русское. Вотъ плоды вѣковаго нашего равнодушія и предубѣжденія къ отечественной древности. Прежде мы отрицали эту древность, какъ негодное и неудобное рубище; затѣмъ, выучившись въ Западной школѣ, мы стали отрицать ее уже на основаніи ученыхъ посылокъ, какъ предметъ знанія, не имѣющій никакого научнаго содержанія.

Къ нашему счастію, на свѣтѣ существуетъ здравый смыслъ. Онъ говоритъ, что этого быть не можетъ, что народность, съумѣвшая еще 800 лѣтъ тому назадъ, составить себѣ, на своемъ языкѣ, самостоятельнымъ починомъ, хотя бы и по чужому примѣру, свою собственную Лѣтопись, такая народность не можетъ существовать безъ творящей самобытной силы, которая кромѣ того очень явно обнаружилась въ созданіи себѣ собственнаго своего и очень крѣпкаго Государства, то есть народнаго государственнаго Единства, что̀ сотворяется не легко и не всякой народности удается,

Здравый смыслъ уже давно замѣчаетъ, что наши дѣтскія ученическія увлеченія приближаются къ своему концу, и что настаетъ и уже настала пора развязывать новый Гордіевъ узелъ, спутанный нашею покорною и горячею приверженностію къ мнѣніямъ и указаніямъ нашего учителя.

Здравый смыслъ, какъ и въ эпоху Петра, въ глубинѣ нашего сознанія, ставитъ теперь свой новый вопросъ: *быть или не быть намъ Русскими?*—потому что въ самомъ дѣлѣ обаяніе чужими мнѣніями значительно угасило въ насъ Русское чувство, Русское пониманіе вещей. И на себя, и на свои дѣла, и на свои интересы, на свою Исторію и Древность, мы всего чаще смотримъ совсѣмъ иноземными глазами.

Но что же значитъ быть Русскими? Значитъ ли это быть Московитами XVI и XVII столѣтій? Иные очень опасаются, какъ бы это не случилось въ самомъ дѣлѣ. Опасеніе не искреннее. Вчерашняго дня не воротишь. Но смысломъ вчерашняго дня всегда можно воспользоваться. А смыслъ Исторіи Московитовъ XVI и XVII ст. заключался въ томъ, что они были Русскими, не по невѣжеству, а по сознанію въ себѣ національнаго достоинства. Такимъ образомъ, быть Русскими значитъ не больше, какъ тоже самое, что находится въ сознаніи каждаго Нѣмца, Француза, Англичанина. Это значитъ чувствовать и сознавать въ себѣ достоинство своей народности, иначе сказать, свою самобытность, свою оригинальность, свои заслуги передъ человѣчествомъ.

Но какое это Русское достоинство? Гдѣ оно? Кому оно извѣстно? Какія это Русскія заслуги передъ человѣчествомъ,—спросятъ насъ тѣже Нѣмцы, Французы, Англичане, всѣ Европейцы, не

исключая и нѣкоторыхъ нашихъ братій Славянъ. А всѣ космополиты здѣсь тотчасъ подумаютъ только объ одномъ квасномъ патріотизмѣ.

Намъ кажется, что каждая историческая нація, призванная силою вещей занимать въ Исторіи свое мѣсто, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, всегда обладаетъ какимъ либо неизмѣннымъ, непереходящимъ достоинствомъ, которое собственно и вводитъ ее въ кругъ всемірно-историческихъ дѣяній, и конечно по заслугамъ

Мы говоримъ о такомъ именно достоинствѣ, которое не зависитъ отъ случайныхъ положеній націи, могущихъ быть и могущественными и слабыми, —мы говоримъ о національной душѣ, если можно такъ выразиться, о складѣ и свойствѣ народнаго міровоззрѣнія и сознанія, о томъ духовномъ существѣ народа, которое не исчезаетъ съ поворотами судьбы.

Достоинство народности, то-есть крупныя или малыя черты ея самобытности, это достоинство всегда скрывается въ Исторіи народа и именно *скрывается*, такъ что раскрывать и обнаруживать его не совсѣмъ бываетъ легко, и тѣмъ еще больше, если и вѣры нѣтъ, что оно можетъ существовать.

Оно скрывается во всѣхъ памятникахъ этой Исторіи, во всѣхъ памятникахъ прожитой народной жизни, словесныхъ, письменныхъ, вещественныхъ, даже въ самыхъ мелкихъ и мелочныхъ памятникахъ, которые въ этомъ отношеніи становятся иногда очень крупными свидѣтельствами народнаго генія, народнаго творчества.

Еслибъ послѣ Исторіи античнаго Грека остались намъ одни только черепки его кухонной и столовой посуды, то, при должномъ вниманіи и изученіи, мы всетаки съ достовѣрностію узнали бы, что художническій геній этой народности стоялъ на высотѣ, для нашей современности едва доступной.

Формы всякихъ памятниковъ вещественныхъ, оставляемыхъ жизнію народа, развѣ не служатъ показателями свойствъ и направленій народной мысли и народнаго чувства, народной души, какъ мы сказали?

И вотъ съ этой-то стороны мы меньше всего знаемъ Русскую народность, а слѣд. и Русское достоинство, о которомъ идетъ рѣчь. Хорошо оно или худо—все равно—намъ надо знать его.

Знать все это намъ крайне необходимо, по той причинѣ, что въ этомъ только матеріалѣ мы найдемъ добрый источникъ для воспитанія въ себѣ народнаго Русскаго самосознанія.

Эту первостепенную задачу нашей современной жизни, въ ея научной области, ясно понималъ покойный графъ А. С. и поставилъ подвигомъ своей жизни всестороннюю разработку этой задачи во всѣхъ подробностяхъ.

Побѣдить въ обществѣ вѣковое его равнодушіе къ собственной древности и, можемъ прибавить, предубѣжденіе въ ничтожествѣ ея содержанія,—вотъ въ чемъ поставлялъ онъ непосредственную цѣль для своей ученой дѣятельности.

Онъ хорошо зналъ, что единичною силою одолѣть этого сопротивника невозможно, что здѣсь требуются общія и прямо общественныя силы.

Изъ этой мысли и возродилось въ Москвѣ Археологическое Общество, съ особымъ направленіемъ его дѣятельности, во многомъ отличавшимъ его отъ другихъ ученыхъ Обществъ.

Въ своей вступительной рѣчи графъ А. С. указывалъ, что въ Западной Европѣ вниманіе къ національной старинѣ и древности и старательное изученіе ея памятниковъ пробудилось съ особою силою вмѣстѣ *съ чувствомъ народности*, возрожденію котораго у народовъ Запада такъ много способствовали Наполеоновскія войны и Наполеоновское властительство надъ всѣмъ Европейскимъ міромъ.

Послѣ извѣстнаго *классицизма*, руководившаго дотолѣ понятіями европейскаго общества и выдвинувшаго самого Наполеона въ образѣ *консула*, насталъ романтизмъ, распространилась любовь уже не къ Римской, а къ собственной народной древности.

«Чувство народности, говорилъ графъ А. С., быстро подвинуло западную Археологію и сильно возбудило дѣятельность ученыхъ Обществъ. Пусть тоже чувство поможетъ теперь и намъ *уничтожить равнодушіе* къ отечественнымъ древностямъ, пусть оно научитъ насъ дорожить родными памятниками... Къ такому возбужденію *общаго сочувствія* должны стремиться всѣ наши ученыя Общества. Вотъ наша главная цѣль!» заключалъ онъ.

Такимъ образомъ, предложеніе графа прямо указывало, что и для насъ настала пора побороть въ себѣ такого же рода *классицизмъ* понятій о величіи всего чужаго Европейскаго и о ничтожествѣ всего своего Русскаго.

Наиболѣе прямой и вѣрной путь къ достиженію этой цѣли графъ А. С. находилъ въ публичности обсужденій всѣхъ ученыхъ вопросовъ и изслѣдованій, какими должно заниматься учрежденное Общество, въ публичности его засѣданій. «Мы надѣемся этимъ путемъ, говорилъ графъ, скорѣе распространить въ публикѣ пониманіе и любовь къ Археологіи».

Учрежденіе Археологическаго Общества, съ поставленными для его дѣятельности этими особыми, передовыми задачами, явилось достойною силою, хотя въ началѣ и не слишкомъ замѣтною, для возбужденія *общаго сочувствія* къ отечественной древности. Но графъ указывалъ и дальнѣйшій путь къ достиженію завѣтной цѣли.

«Мы не можемъ упустить изъ виду еще одну мѣру, продолжалъ онъ, самую *дѣйствительную* и коренную, для *уничтоженія равнодушія* къ Русскимъ древностямъ и для возбужденія общаго живаго участія къ Русской Археологіи — это именно *ученые съѣзды*».

Показавъ важное значеніе такихъ съѣздовъ и сколько они

способствовали развитію національной Археологіи въ Западныхъ странахъ, онъ замѣтилъ, что «у насъ такіе съѣзды, общеніемъ всѣхъ ученыхъ силъ, развили бы и самую Археологію и общественную любовь къ ней. Они окончательно обезпечили бы и сбереженіе Русскихъ памятниковъ».

Плодотворное зерно этихъ съѣздовъ уже положено было въ публичности засѣданій Археологическаго Общества. Эти засѣданія въ сущности представляли и представляютъ ежемѣсячные, маленькіе, собственно Московскіе съѣзды, гдѣ въ выборѣ предметовъ обсужденія конечно господствуетъ неминуемая случайность, но гдѣ обмѣнъ мнѣній и свѣдѣній всегда плодотворно отражается въ сознаніи, хотя бы и очень малаго, общества любителей, какое обыкновенно собирается на эти скромные съѣзды. Все животворное начинается изъ малаго зерна и затѣмъ выростаетъ по мѣрѣ добрыхъ качествъ почвы и благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Трехгодичные Археологическіе Съѣзды въ университетскихъ городахъ, которые вслѣдъ затѣмъ осуществились все тѣми же руководящими заботами и горячими, неутомимыми стараніями графа, въ дѣйствительности становятся основными и сильнѣйшими двигателями въ распространеніи въ обществѣ желаннаго вниманія и сочувствія къ родной старинѣ, и не въ однихъ ея средоточіяхъ, въ столицахъ, но по всей странѣ, въ отдаленныхъ краяхъ и даже въ глухихъ мѣстахъ; — становятся пробудителями общаго сочувствія именно въ мѣстной, областной старинѣ, что особенно важно и дорого, какъ залогъ будущаго подробнаго и всесторонняго развитія археологическихъ знаній.

Пробуждая эти мѣстные интересы и вкусы къ археологическимъ познаніямъ, Съѣзды много способствуютъ и вообще пробужденію умственной жизни въ нашемъ обществѣ. Археологическое знаніе съ своими разнообразными отдѣлами, какъ говорилъ графъ, представляется *всеобъемлющею наукою*, охватывающею весь бытъ народа. Естественно, что постановка разносторонникъ археологическихъ вопросовъ, которыми въ своихъ работахъ руководится каждый Съѣздъ, необходимо соприкасается съ всѣми другими отдѣлами человѣческаго знанія, со всѣми отраслями науки въ общемъ ея составѣ. Вѣдь каждый памятникъ, какъ бы онъ не былъ малъ и незначителенъ, есть продуктъ весьма сложныхъ познаній и потому, чтобы всесторонне изучить и объяснить его, требуетъ самыхъ сложныхъ разслѣдованій именно при помощи различныхъ другихъ наукъ и знаній, кромѣ археологическихъ въ собственномъ смыслѣ. Сколько археологическихъ вопросовъ рѣшаются только при помощи химическихъ изслѣдованій, или при помощи Зоологіи, Ботаники и т. д.

Такое, можно сказать, центральное положеніе археологическаго знанія посреди другихъ наукъ по необходимости ставитъ и Археологическіе Съѣзды пробудителями не какихъ-либо спеціаль-

ныхъ, но общихъ умственныхъ интересовъ, въ собственномъ смыслѣ интересовъ народнаго образованія.

Такъ называемые результаты этихъ съѣздовъ невозможно измѣрять и учитывать одними полновѣсными книгами, какія появились и должны еще появиться, какъ отчеты объ ученыхъ работахъ каждаго Съѣзда. Главнѣйшіе ихъ результаты заключаются именно въ распространеніи всеобщаго вниманія и сочувствія къ родной Исторіи и древности.

Извѣстно, что Археологическіе Съѣзды успѣли уже воспитать столькихъ любителей-археологовъ, до тѣхъ поръ никогда и не помышлявшихъ сдѣлаться археологами, но теперь ставшихъ добрыми дѣятелями въ своихъ мѣстностяхъ, сильными или слабыми— это все равно, ибо цѣль Съѣздовъ въ этомъ случаѣ вполнѣ достигнута. Нашего полку прибыло — могутъ сказать словами извѣстной пѣсни, и наука археологіи, и образованность общества. Союзы новыхъ археологовъ уже успѣли устроить мѣстныя Археологическія Общества, мѣстные музеи и ревниво заботятся о сохраненіи и собираніи памятниковъ мѣстной старины и древности.

Но, кромѣ археологовъ-любителей, Съѣзды во множествѣ привлекали и простыхъ любопытствующихъ слушателей, собиравшихся къ ученымъ работамъ Съѣзда, иногда попросту отъ нечего дѣлать. Здѣсь и находилась желанная почва для образовательныхъ вліяній каждаго Съѣзда. И здѣсь, въ этой средѣ любопытствующихъ слушателей, ихъ знаніе и сознаніе не могло не пополниться новыми соображеніями и мыслями о старыхъ знакомыхъ предметахъ, или совсѣмъ новыми свѣдѣніями о предметахъ только теперь узнаваемыхъ.

Словомъ сказать, и при посредствѣ чтеній, и словесныхъ обсужденій, и при посредствѣ печати, въ продолженіе засѣданій Съѣзда и по ихъ горячему слѣду въ сознаніе общества всегда поступало достаточно научныхъ вопросовъ, запросовъ, рѣшеній, предположеній, которые слабо или твердо, но должны были установлять иныя противъ прежнихъ понятія о родной древности и ея памятникахъ; должны были поселять убѣжденіе, что каждый памятникъ, какъ бы ни былъ незначителенъ, есть въ своемъ родѣ святыня, всегда могущая что-либо сказать и выяснить о давнихъ временахъ, объ исторіи мѣста, о людяхъ тутъ жившихъ, о самой жизни и бытѣ тѣхъ людей.

Каждый памятникъ, такимъ образомъ, прежде только непонятный курьезный остатокъ или обломокъ, теперь облекался мыслью, становился *словомъ*, болѣе или менѣе яснымъ и понятнымъ, которое уже поэтому одному требовало вниманія и сохраненія.

Вотъ желанные плоды Археологическихъ Съѣздовъ, о достиженіи которыхъ столько ревновалъ и заботился графъ А. С.

Эти плоды еще мало очевидны. Они явятся и почувствуются

ще не скоро, но почувствуются непреложно неуклонно съ теченіемъ времени, когда постоянное дѣйствіе и вліяніе Съѣздовъ совершитъ надобный періодъ въ ихъ развитіи.

Однако и теперь уже, если припомнимъ недавнее прошлое, очень замѣтно, что вниманіе, уваженіе, почтеніе къ древнимъ памятникамъ, въ общественномъ сознаніи отвоевали уже себѣ достойное мѣсто. Любители перестроивать, передѣлывать, переновлять ветхую старину на новый ладъ, по новымъ вкусамъ и образцамъ, уже встрѣчаютъ не малыя, иногда неодолимыя затрудненія въ своемъ усердіи разрушать древность, какъ негодную ветхость. Теперь между древнимъ памятникомъ, требующимъ возобновленія, и этими мудрецами стоятъ уже *несносные археологи,* столько препятствующіе своеволію разрушителей.

Мало по малу водворяется уже обычай призывать на помощь къ такимъ возобновленіямъ, перестройкамъ и передѣлкамъ, Археологическое Знаніе, дабы по возможности не исказить почтенной старины. Водворяется совѣстливость, что подобное своевольное и неразумное искаженіе древняго памятника—есть уже своего рода грѣхъ и преступленіе. Водворяются понятія не только о научной, но и объ общественной цѣнности памятниковъ, какъ дорогихъ изобразителей народной мысли и народнаго творчества по всѣмъ направленіямъ народнаго быта.

Еще нагляднѣе могло бы выясниться такое значеніе памятниковъ, еслибъ они были собраны въ одно мѣсто и приведены въ должную систему, еслибъ вся наша Древность предстала предъ нами такъ сказать, въ своемъ *Веществѣ*, во всѣхъ произведеніяхъ своего художества, ремесла и всякаго труда, во всѣхъ вещественныхъ формахъ и образахъ своего бытія. Выставки древностей, какія устроивались на Археологическихъ Съѣздахъ изъ случайно доставляемыхъ коллекцій, уже указывали на важное значеніе такого собранія памятниковъ.

Но устроиваясь періодически, повременно, Съѣзды, съ ихъ публичными чтеніями и обсужденіями предлагаемыхъ задачъ и вопросовъ, съ ихъ выставками археологическихъ предметовъ, на извѣстное время умолкаютъ, дѣйствіе ихъ на извѣстное время стихаетъ, собранные на выставку предметы возвращаются къ собственникамъ и изчезаютъ безъ слѣда для вниманія публики, какъ и для спеціалистовъ.

Вотъ причины, по которымъ въ слѣдъ за установленіемъ Археологическихъ Съѣздовъ, завѣтныя руководящія заботы графа А. С. должны были съ особою любовью остановиться на устройствѣ еще такого Учрежденія и такого Хранилища памятниковъ, которое, полною ихъ системою и въ полной и всесторонней ихъ наличности, въ оригиналахъ, копіяхъ и изображеніяхъ, могло бы имѣть, такъ сказать, непрестанное, непрерывное воздѣйствіе родной Исторіи и Древностей на разумѣніе и сознаніе всего Общества, всего народа.

По Всемилостивѣйшему вниманію нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора возродилась мысль объ Историческомъ Музеѣ.

Прямыя и непосредственныя заботы объ этомъ Графа А. С. начались еще въ 1872 году. Съ того времени и до послѣднихъ дней можно правдиво сказать, не было и одного дня, въ который мысли и заботы графа неруководились бы обширными цѣлями, какія онъ опредѣлялъ для устройства этого учрежденія.

Здѣсь давнишніе и любимѣйшіе помыслы и предположенія графа сдѣлать отечественную Исторію и отечественныя Древности воспитателемъ и руководящею силою общественнаго сознанія, двигателемъ умственной жизни Общества, получали болѣе полное удовлетвореніе и болѣе твердое основаніе для ихъ дальнѣйшаго развитія.

Въ программу Устава Музея входило и сохраненіе памятниковъ при посредствѣ учрежденія особыхъ мѣстныхъ областныхъ Коммиссій, и разслѣдованіе и объясненіе ихъ при посредствѣ особыхъ высшихъ курсовъ Историко-археологической науки.

Но главнѣйшею и существеннѣйшею задачею для этого Всероссійскаго Хранилища было положено: представить въ вещественныхъ памятникахъ и изображеніяхъ невещественный, такъ сказать, духовный образъ Русскаго Государства и Русской Народности, во всемъ составѣ разнородныхъ племенъ Русской Земли, во всѣ великіе моменты Русской жизни, во всѣхъ видоизмѣненіяхъ и направленіяхъ Русской Исторіи и Русскаго быта, отъ древнѣйшихъ временъ, дабы тѣмъ самымъ наглядно и непрестанно содѣйствовать развитію въ народѣ и обществѣ *Русскаго самопознанія и Русскаго самосознанія.*

Въ этомъ заключается основной характеръ, существенный смыслъ и значеніе новоучрежденнаго Россійскаго Императорскаго Историческаго Музея.

Русское самопознаніе и Русское самосознаніе, въ дальнѣйшемъ ходѣ своего развитія, сдѣлавшись двигателемъ умственной жизни общества, руководителемъ общественной мысли, и послужитъ тѣмъ нерукотворнымъ памятникомъ ученой дѣятельности графа Алексѣя Сергѣевича, который сохранитъ его славное имя незабвеннымъ на вѣки.